

Ей нравился его голос, вежливое обращение, предупредительно-надежные руки... Она не отдавала себе отчета в том, что именно этот невысокий, полноватый, внешне неприметный человек вдруг оказался героем ее романа. Все это невероятное происшествие с порезанной рукой, то, как он подобрал ее, босую, на дороге, дожидался ее из больницы и отвез домой, и то, как снова явился, когда ей нужно было на перевязку в Судак... В ее глазах он оказался рыцарем — тем самым прекрасным рыцарем на белом коне из обожаемых ею романов. Только вместо доспехов на ее будущем муже красовался шевиотовый костюм, а верный конь несся по горным дорогам с нелощадиной прытью, унося их к симферопольскому вокзалу.

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-3374-4

9 786171 233744

©•НАТАЛЬЯ КОСТИНА•©

Слишком личное

Слишком личное

©•НАТАЛЬЯ КОСТИНА•©

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

••• Наталья Костина •••

·∞· Наталья Костина ·∞·

Слишком личное

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2017 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1(477)
ББК 84(4Укр=Рос)
К72

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Анна Демидова*

ISBN 978-617-12-3374-4

- © Костина-Кассанелли Н., 2012
- © DepositPhotos / belchonock, azgek1978, обложка, 2017
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2017
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2017

Жить без чтения опасно: человек вынужден окунаться в реальность, а это рискованно.

*Мишель Уэльбек.
Платформа*

Я стала старше на жизнь.

*Земфира.
Ариведерчи*

Дом стоял у самого моря. Если подойти к краю невысокой ограды, отделяющей огромный сад от круто падающего вниз обрыва, то море открывалось синее-синее, неправдоподобное, равнодушно-огромное, плавно переходящее в такое же безбрежное и необъятное небо. Из угла сада к морю вела полувековой давности бетонная лестница, добротные перила и пионерского вида балясины которой несли на себе неизбежные следы времени. Метров двести частного пляжа в циркульно-круглой бухточке — настоящее богатство по нынешним временам — было обнесено заходящей прямо в воду сеткой-рабицей. Пляж был чистенький, хотя и скучноватый, похожий из-за сетчатой загородки на загончик. Наверное, все же зря испортили его этой ржавой проволокой — с обеих сторон бухточку естественным образом ограждали россыпи огромных валунов, упавших в это море еще при каком-то мезозойском катаклизме.

Конечно, можно было по узкой сыпучей, сбегающей с приятной высоты тропинке миновать и валуны, и покренившуюся от времени сетку. Однако чужие сюда давно уже не заходили, а платных жильцов, имеющих на этот пляжик полное

право, было в это золотое время почему-то всего двое. Может быть, потому что к хозяйке приехали редкие гости — обе дочери и рослый, красивый внук с такой же качественной, грудастой, по модельным лекалам скроенной невестой. Дочерям, выросшим в этом же доме, море было не в диковинку, и на пляже они почти не бывали, предпочитая огромный прохладный сад с книгой и шезлонгом. Внук с невестой отгороженный кусочек моря также не жаловали и развлекаться ездили в дальний аквапарк с хлорированной водой и палимыми солнцем очередями либо в близкую Ялту.

Катя с мамой этим утром обрелись на пляже совершенно одни. Утро еще только-только родилось, море едва плескалось о мелкогалечный берег, и солнце было теплое, ласковое. Когда оно начнет палить, раскаляя камни так, что на них можно будет жарить яичницу, нужно будет уходить в сад. В саду у них имелось тихое, облюбованное местечко под платаном, куда жара не доставала. Там стояла одышливого сложения скамья на литых слоновьих ногах, старая, заслуженная, крашенная многими слоями неизменно зеленой краски, местами вылезавшими один из-под другого. Скамья была донельзя уютная, солнце к ней пробивалось только в виде зеленых же, окрашенных платаном зайцев. Подложив толстое полотенце, здесь можно было сидеть, лежать и даже дремать, когда лень было встать и добрести до прохладной комнаты в доме.

Однако сейчас прекрасно дремалось и на берегу, под легкими касаниями солнца и чуть слышного бриза. Ирина Сергеевна, Катина мама, была жаворонком — в любое время года вставала чуть свет, выпавшаяся, в хорошем настроении и с ясными глазами. Катя же, несомненно, являлась совой — работалось ей лучше всего во второй половине дня, а утром и мысли текли как-то вяло, и сон был самый сладкий. Но Ирина Сергеевна каждый день в шесть утра неизменно вы-

ходила с дочерью на пляж, утверждая, что раннее солнце самое безвредное для кожи. Катя додремывала на расстеленном полотенце, в тени вкопанного в гальку полосатого зонта, обложенного для устойчивости крупными голышами. Во всем теле ощущалась блаженная истома и какая-то гладкость, приобретенная от двухнедельного купания в море и лежания на берегу под зонтом.

— Кать, вставай! — Ирина Сергеевна бесцеремонно дернула из-под дочери полотенце. — Вставай, голову напечет.

Девушка неохотно поднялась, надеясь продлить блаженное состояние полусна, и стояла так, с закрытыми глазами, слегка покачиваясь, пока ее мать перекладывала полотенце подальше от солнца.

— Вот теперь ложись, — приказала Ирина Сергеевна.

Дочь послушно улеглась на живот, поерзала, вмяная кое-где крупноватую гальку, зевнула и снова попыталась влезть обратно в занимательный сюжет, так неожиданно оборванный ее бдительной нянькой. Однако капризный сон куда-то испарился, а вместо него появились мысли, воспоминания, а из самого дальнего угла вылезло совершенно неуместное здесь желание поскорее выйти на работу. «В самом деле, — вдруг окончательно проснувшись, подумала она, — как они там все без меня?»

— Как они там все без меня? — спросила Катя уже вслух и критически посмотрела на свои загорелые до нежного золотого оттенка ноги.

Ирина Сергеевна заданный вопрос проигнорировала, и только по легкому вздоху матери Катя поняла, что мама будет очень против, если дочь раньше положенного срока вернется на работу.

— Персик хочешь?

— Давай!

— Ты помой его, что ж ты немывтый-то...

— Я его лучше почищу. А то он такой волосатый... Мам, а что, у нас, кроме персика, больше ничего нет?

Ирина Сергеевна счастливо улыбнулась. Дочь явно выздоравливала. После тяжелой операции Катя так исхудала, что и не осталось ничего, — как говорится, кожа и кости. Теперь вот, слава богу, на море и аппетит появился...

— Йогурт будешь?

— Ну давай хоть йогурт, — протянула Катя тоном капризной маленькой девочки, и обе засмеялись.

— Может, пойдём и как следует позавтракаем? — спросила мать. — Хочешь, я тебе омлет быстренько приготовлю?

— С картошкой и помидорами!

— Хорошо, только давай через полчаса, договорились?

— Ладно. Я пойду искупнусь.

— Только не заплывай далеко.

Последняя фраза была явно излишней, потому что с некоторых пор Катя Скрипковская, лейтенант милиции, работающая в отделе по раскрытию особо тяжких преступлений, стала бояться воды. Случилось это после того, как ее пытались убить. Операция по раскрытию шайки изодранных мошенников завершилась вполне благополучно, если, конечно, не считать того, что ее, Катю, ударили молотком по голове, проломив при этом череп, а после всего еще попробовали утопить в ванне. Она не могла помнить того, как лежала в воде, которая, медленно, но неумолимо прибывая, заливала ее всю. Еще немного — и вода попала бы ей в легкие, и тогда никакие усилия врачей не смогли бы ее спасти. Она и так выжила, можно сказать, чудом. Возникший после этого страх перед водой она таила изо всех сил, но от себя-то не скроешь...

Катя зашла в море по колено, села, а затем улеглась на живот, разрешив ленивой мелкой волне слегка себя покачивать.

Упругая, как плоть живого существа, вода поднимала и опускала ее, понемногу выталкивая на берег, и через несколько минут она оказалась лежащей просто на гальке. Посчитав процедуру купания на этом законченной, она снова устроилась на солнышке.

— Ты еще полчасака полежи и приходи. — Ирина Сергеевна накинула сарафан и, отряхнув камешки, влезла в шлепанцы. — Только не засни опять, слышишь?

— Угу.

Уже прошло почти два месяца, как ее выписали из больницы, но ей почему-то все время хотелось спать. А теперь еще и есть.

Действительно, закрывать глаза сейчас ни в коем случае нельзя, потому что если она опять отключится, то омлет с картошкой остынет. А холодный омлет — это, конечно, съедобно, но... Чтобы не уснуть, Катя раскрыла книгу, взятую на пляж матерью, и принялась читать. Однако через несколько страниц воскликнула:

— Какая чушь! — И сердито захлопнула потрепанный томик.

Книга оказалась детективом, написана была очень живо и, должно быть, доставила Ирине Сергеевне немало приятных минут. Потому что, судя по закладке, дочитана была почти до конца. Но вот Кате эта бойкая книженция совершенно не понравилась. Во-первых, маньяк был слишком уж отвратительный, прямо монстр какой-то. А отважный следователь просто пупсик. Высокий черноволосый красавец с голубыми глазами. И жена его пупсик. Также красotka, но уже с золотыми волосами. И дочь у них удалась на славу. А вот теща следователь — снова монстр. Родная сестра маньяка. Одни крайности какие-то! Так в жизни не бывает. Ну да ладно, писателю видней, кто из героев красавец, а кто — чудовище. Однако кроме этих, так сказать, литературных излишеств книга просто изо-

биловала разнообразными техническими ошибками и неточностями. Конечно, откуда автору знать, что следователь, опер-группа, а до кучи и патологоанатом, он же эксперт по любым вопросам, вместе в одной комнате не сидят. Они даже в одном здании не находятся! И экспертов таких тоже не бывает. Это только в старом-престаром сериале времен маминого детства — как бишь его? а, «Следствие ведут знатоки!» — эксперт был за все про все: и трассолог, и токсиколог, и баллист, и графолог... Да еще и красивая женщина. Ты если не располагаешь правильной информацией, то и не пиши. Катя вот, например, книг о жизни кактусов не сочиняет, потому что мало о них знает. А если бы написала, то, наверное, такое бы получилось! А детективы почему-то пишут все кому не лень. Она посмотрела на часы. Ого! Прошло уже сорок минут. Омлет, наверное, готов. Надеть шорты и майку было делом одной секунды. О, оказывается, пока она подсчитывала ошибки в детективе, на пляже появились еще посетители. А, этих она хорошо знает. Внук одной из хозяек и его невеста. Значит, можно спокойно оставить и зонтик, и сумку. Эти если приходят, то остаются надолго.

— Эти старухи совсем сбрендили!

Девушка сказала это громко и зло. Она стояла к Кате спиной и не видела, как та подошла.

— Ради бога, Оксана... Здравствуйте! — Это уже адресовалось Кате.

Раньше этот молодой человек первым с ней никогда не здоровался... Из этого следует, что сейчас он пожелал ей доброго здоровья только затем, чтобы его подруга при посторонних не продолжила разговор. Вот интересно, что бы она дальше сказала? И какие такие старухи сбрендили? Ладно, это совсем не ее дело.

— Присмотрите? — Катя вопросительно кивнула на нехитрые пожитки.

— Нет проблем. — Парень пожал широкими плечами. Подруга его повернулась и уставилась на Катю, как на привидение.

Впрочем, они могут не волноваться. Она не собирается лезть ни в какие дела. Везде найдутся бабки, которые сбрендили, и молодежь, которой это не нравится. Да, в этом доме у моря бабки действительно примечательные. Однако ее сейчас больше занимал омлет.

В саду было прохладно и тихо — видимо, обитатели дома над морем еще не встали. «Странно, — подумала она, — и чего этим двоим не спится?» Она имела в виду внука и его девушку. Появление этой парочки на пляже в восьмом часу утра было, несомненно, явлением экстраординарным. По Катиным наблюдениям, просыпались молодые люди никак не ранее одиннадцати часов — как раз в то время, когда они с мамой обычно возвращались с моря на обед.

Проходя мимо огромного инжира, она осмотрелась — нет ли кого поблизости — и сорвала с ветки несколько фиолетовых, сочащихся соком плодов. На местном рынке эта вкуснятина стоила несусветных денег, а здесь произрастала прямо как в райских кущах. Конечно, не очень красиво рвать с веток хозяйское добро, но добра этого здесь столько...

— А я тебе говорю, это ни в какие ворота... Доброе утро, Катенька!

Это надо же — Катенька! Да еще и «доброе утро»! Сегодня просто день чудес какой-то. Дочери хозяйки, оказывается, тоже уже не спят. Чего это все сегодня такие... озабоченные? И вежливые? Как и сынок, эта дама неприметную квартирантку обычно игнорировала, вторая, правда, была поприветливее — но «Катенька»? Она уже дошла почти до самой летней кухни, где намечался завтрак, когда до нее донеслись слова той, что в упор ее не видела:

— Эти старухи выжили из ума, я точно тебе говорю!

— Жил старик со своею старухою у самого синего моря...

— Катюш, ты чего?

— Так, мам, ничего.

Зонт и сумка были на месте, и парочка тоже. Внук с невестой о чем-то разговаривали, и физиономии у обоих были озабоченные. Вот он что-то сказал, она ответила, но собеседнику ответ подруги явно не понравился. Он отрицательно помотал головой и сдвинул брови. А девушка, видимо, настаивает, даже жестикулировать начала... Наверное, не слишком красиво, что она за ними наблюдает потихоньку. Катя вздохнула и перевернулась на другой бок.

Да, жил старик со своею старухою у самого синего моря. Море здесь действительно очень синее. А вот старика нет. Зато старух целых две. И что, обе сбрендили или же выжили из ума? О каких старухах говорили эти двое на пляже и те две дамочки в саду? О тех, которые здешние хозяйки, или о каких-то других? Наверное, чужие старухи не стали бы занимать родственников так, что те даже подхватились всем семейством ни свет ни заря. Да, старухи здесь весьма колоритные. Собственно, почему старухи? Язык не поворачивается так называть милых интеллигентных пожилых дам. Особенно ту, которая Ариадна Казимировна. Съеденный омлет уютно расположился где-то посередине организма и явно способствовал крепкому, здоровому сну. Сейчас она еще немножко подумает о спятивших бабульках, а потом...

Ирина Сергеевна взглянула на дочь: Катя крепко спала, и вид у нее был довольный. Даже улыбка на губах. Ну, может, наконец-то дочери стали сниться хорошие сны, а не кошмары, которые одолевали ее после травмы и операции. Дай бог, дай бог... Ужасную работу выбрала себе Катя, тяжелую и совершенно не женскую. Однако это был ее собственный выбор. Ирина

Сергеевна, разумеется, хотела, чтобы дочь предпочла что-либо иное, но та оказалась упрямой. Даже после того страшного случая не образумилась и уже сегодня изъявила желание вернуться на работу. Ну, времени до конца отпуска у них еще много, и, возможно, она отговорит свое единственное чадо заниматься всеми этими расследованиями, трупами, разбоями, слежкой за преступниками и прочими прелестями, которые хороши и увлекательны только в романах.

* * *

В молодости она считала себя чуть ли не дурнушкой. Но уж не красавицей, это точно. Молодость, молодость... И не красавицей была, и не Ариадной, и уж тем паче не Казимировной. Это потом уже оказалась и красавицей, и при влиятельном муже, и имя ей он же придумал — Ариадна. Не нравилось ему ее простонародное имя-отчество. Это теперь снова детей называют Аринами, Емелями, Архипами. И давным-давно, до замужества, ее саму звали Арина Касьяновна, Арина, Аришка.

Женщина откинулась в глубоком кресле, закрыла глаза и позволила себе вспомнить о том, что долгие годы не вспоминала, что само не вспоминалось, — да и что там было вспоминать? Горе? Бедность? Как босая ходила?

Да, и босая ходила, и голодала. Все, все было. Однако она и теперь еще сама себе хозяйка и никому не позволит своевольничать, навязывая ей неприемлемый образ действий. Если здесь кому-то что-то не нравится... «Как я захочу, так и будет! — Она властно сжала рукой подлокотник. — Это все — мое. Я здесь владелица всего, пока жива. Что захочу, то и сделаю. И нечего мне указывать, кому и что... Все им мало... Ненасытность, алчность... Миром правит жадность человеческая...»

Да, жадность человеческая. Много она натерпелась в жизни — и даже не от скупости и скарედности людской, а оттого, что рано

осталась без матери-отца. Дядя-то, он и нежадный вовсе был. Просто время такое тогда наступило. Вот и приходилось ему прижимистым быть, чтоб кормить их всех... Да, время... Время ее истекло, прошло, как вода сквозь пальцы, пролетело все в один миг — будто и не жила вовсе. Да, жила, конечно, и много прожила — девятый десяток разменяла, шутка ли! Вот некоторые и думают, что из ума выжила, да и на свете зажились...

Дядя ее, Аришкин, нежадный был. Просто бесхарактерный. А тетка, та — да, скряга из скряг. И мужем вертела, как собака хвостом. Да и тетка... Много ли имущества у тетки с дядькой было, что так над ним тряслись? По тулупу овчинному, по паре валенок с галошами на выход, схороненных в сундуке старинном, источенном шашелью, только на железных обручах и державшемся, полном ветхого нафталинового тряпья, имели, да кучу сопливой ребятни. И ее, Аришку, в придачу. Им спасибо сказать, что вырастили, как смогли, в детдом не отправили...

— Ариша, можно к тебе? — В дверь несмело поскреблись.

— Конечно. — Она слабо шевельнула рукой. Лучше уж сразу выслушать, что хочет сообщить ей Людмила, чем та целый день будет ходить под дверью и вздыхать.

— Ариша, голубушка, я хочу тебе сказать... Мне кажется... Может быть, мы вместе обсудим...

— Люся, я ничего не хочу обсуждать, — отрезала Ариадна Казимировна. — Дом мой, кому хочу, тому и завещаю его.

— Аришенька, я ведь тебе даже не родственница. — Людмила Федоровна смущенно заморгала. Вид у нее был угнетенный. — У тебя две дочери, внук, — снова начала увещевать она подругу. — Они ведь рассчитывали...

— Люся, я тебя попрошу больше со мной этого разговора не заводить. Ты прекрасно слышала, что дочерям я оставляю свои сбережения и драгоценности, а внуку — коллекцию картин. Все это стоит немалых денег. И намного превышает стоимость дома.

Так что давай закроем эту тему. И, знаешь ли, я пока умирать не собираюсь, — оцетинилась Ариадна Казимировна.

— Ах, что ты такое говоришь, Ариша! — Тонко устроенная Людмила Федоровна совершенно не переносила никаких разговоров о смерти.

Обе немного помолчали.

— Тебе кофе принести? — робко спросила Людмила Федоровна подругу.

— Принеси, — качнула та красиво посаженной, со все еще тяжелым узлом волос на затылке головой. — Не хочется выходить в столовую.

— Понимаю... — кивнула давняя компаньонка. — Что тебе к кофе? Творожок? Яичко всмятку?

— Не хлопочи. Давай что есть, — милостиво разрешила хозяйка.

Людмила Федоровна вышла, осторожно, почти беззвучно прикрыв за собой дверь.

Люсенька, деликатная ты моя, неужели тебе все еще невдомек, что ближе тебя у меня на свете никого нет? Ни дочери, ни тем паче внук — побыли, отдохнули, навестили. Поцеловали в оплывшую, покрытую сеткой морщин и пигментными пятнами старческую щеку раз при встрече и раз при отъезде — вот и все их родственные чувства. Долг выполнили, галочку поставили. Два поцелуя в год — с нее, старухи, довольно. Нам, доживающим свой век, много не нужно. Ариадна Казимировна криво дернула уголком рта. Два непылких, неискренних поцелуя за дом у моря, за солидный счет в банке, антикварные драгоценности и три десятка бесценных картин... Всего два поцелуя в год! Просчитались вы, любимые наследники. За два поцелуя вам причитаются только деньги, побрякушки, большую часть которых она никогда и не надевала, и картины. Дома же вам, надеюсь, еще долго не видать. Дом она отписывает Люсе. Даже если Люська

своими куриными мозгами не понимает, что горячо ею любимые Лерочка и Леночка вышвырнут ее отсюда прежде, чем вынесут за порог прах своей строптивой родительницы.

— Аришенька, будь добра, дверь открой мне, пожалуйста...

Она легко, несмотря на все прожитые годы, поднялась, повернула ручку двери. В комнату осторожно, боком протиснулась Людмила Федоровна.

— Я тебе творожок, плюшечку, яичко сварила... Лерочка персики собрала свежайшие, а Леночка говорит, что виноград очень укрепляет нервную систему...

— Господи, чушь какая! Персики, виноград, нервная система... Забегали, засуетились. Нервная система! Еще психиатра пригласите, освидетельствовать меня на предмет острого умственного расстройства!

Людмила Федоровна сокрушенно качала головой, переставляя с подноса на стол принесенные дары.

— Аришенька, я тебя еще раз...

— Люся, я не хочу больше разговаривать на эту тему! — резко оборвала Ариадна Казимировна подружку. — И если будут спрашивать, скажи, что я плохо себя чувствую и никого не хочу видеть.

— Ты действительно?... — тут же испугалась Людмила Федоровна.

— Никогда в жизни не чувствовала себя лучше, — ответствовала та.

— Приятного аппетита, — пролепетала совершенно расстроенная и сбитая с толку Людмила Федоровна. Боже мой, боже мой, все было так славно, так тихо все эти годы. Пока Арише не пришла в голову эта дикая мысль. Ну зачем, спрашивается, ей этот огромный дом? К чему? Что она будет с ним делать? Так все было хорошо... А теперь испорчены отношения и с Лерой, и с Леной... и с Ванечкой...

Людмила Федоровна осторожно спускалась по лестнице, и слезы струились из ее глаз.

* * *

Из ее комнаты моря не было видно. Она вообще не любила море, не понимая такого количества бесполезной соленой воды. Когда растения изнемогают от палящего солнца, а вокруг в прямом смысле целое море воды. Ненужной воды. А пресная вода здесь — роскошь, до сих пор ее дают по графику. И даже ее всеильный супруг, ныне покойный, который все имел безо всяких очередей, вне очередей и в первую очередь, пресную воду в кране видел лишь утром, с шести до девяти, да вечером, тоже с шести до девяти. В саду стоял огромный бак для полива, и в доме, в специально сооруженной пристройке, помещался еще один — но пить эту застоявшуюся воду чувствительная Ариадна Казимировна отказывалась наотрез. И, наверное, до конца жизни она будет вспоминать вкус воды из колодца во дворе дядькиной «усадыбы» — такого глубокого, что суеверные соседки утверждали, будто он сообщается с бездонным Ведьминым озером, тем самым озером, где утонула мать маленькой Арины. Вода в нем была холодной до ломоты в зубах, и после нее во рту еще долго держался сладковатый привкус. Вот это была вода, не то что противная, местная, — теплая и неуловимо горько-соленая, должно быть, от близости нелюбимого моря.

Она отщипнула кусочек плюшки, запила глотком кофе — все сегодня такое же омерзительное на вкус, как и крымская вода. С досадой посмотрела на фрукты и отодвинула подальше дочерние приношения. Села у окна. Из сада тянуло свежестью, кипарисово-инжирным утренним духом. Почему-то сегодня все ее раздражало, даже этот запах. Слишком навязчивый, нахальный, резкий. Больше всего Арина любила запах подсыхающего на солнце свежескошенного сена, но этого пряного

летнего аромата ей не доводилось ощущать уже много лет. Не росла здесь такая трава, нечего на этой каменистой земле косить. Вот у них трава вырастала высокая, густая... Маленькая Аришка с головой могла спрятаться. Закрывает глаза, и тотчас же как проектор включили — увидела и поле, и отца. Коса мерно ходит — ш-ших, ш-ших, — и срезанная трава ложится пластами; она же, совсем маленькая, послушная, сидит там, где мать ее посадила, — под деревом, в тени. Вдали, где луг уходит в низину, еще туман стоит — там зайцы пиво варят. Тятка, когда приходит, всегда приносит что-нибудь от зайчика — не пиво; что такое пиво, Аришка не знает, не пробовала, наверное, зайцы своего пива жадничают... Однако тятка всегда что-нибудь вкусенькое у них отнимет — то морковку, то пирожок, то сахарку кусочек, — она даже сглотнула от предвкушения. Ой, как хорошо! Жук какой-то пробирается мимо, она перегораживает ему дорогу прутиком, мешает бежать. Да и какие там дела могут быть у какого-то глупого жука? Вот она действительно занята — сидит, сторожит крынку с водой и завязанный в тряпицу каравай. Вода в крынке та самая, сладкая и ледяная, и вся крынка в бисеринках, и утро только-только начинается, и серебрится, волнами ходит покос; и тятку уже почти не видеть, и жук переполз щепку и убежал, и тепло под старой, вытертой овчиной отцова тулупа с таким родным запахом... Она сворачивается калачиком, и материно улыбочное лицо плывет куда-то, колеблется, как будто волны нагретого солнцем воздуха поднимаются перед ним...

* * *

Касьян — чудной мужичонка, — думали об Аришкином отце сельчане. Мало того что умудрился родиться в неудобный день — двадцать девятого февраля, в високосный год, только один такой и был на все село, — он еще и жену привел себе под

стать — цыбастую, подчегарую¹. Ну, чудной мужик, право слово. Девки на выданье в тот год у них в селе были как на подбор — грудастые, румяные... Взять хоть Лукерью Скороходову, что соседка Касьяна была, — кофточка на груди лопалась, зад что печка хорошая. И отец Лукерьи не возражал, чтоб Касьяна в зятя принять, и сама Лукерья — чего она в Касьяне нашла? — норовила то горячим боком прижаться на лавочке, то, за пустяком иным пришедши, в тесных сенцах упиралась в Касьяна ситцевой грудью, обдавала густым терпким бабьим духом...

Но Касьян к Лушкиным прелестям остался равнодушен и через год, в аккурат на Красную горку, привел себе из соседнего села жену — ни рожи, ни кожи. Тонкая и звонкая, молодуха лицом на кобылу дяди Пахома смахивала, как ядовито заметила обиженная Лукерья. Ну, сходства насчет кобылы, по правде, больше никто не обнаруживал, однако с личика Касьянова жена была собой, прямо сказать, невидная, бледненькая. Ну, так с лица воду не пить... Как говорят, не родись красивой, а родись счастливой. Только вот насчет счастья Касьяновой жены скоро поползли по селу слухи, надо сказать, страшноватые. Мать Касьяновой Анисьи умерла за три года до свадьбы дочери — бешеная лиса искусала, когда по грибы ходила. Бабка тоже не своей смертью — матица² в избе рухнула и задавила. И изба крепкая была, ста лет не простояла, с чего бы ей падать-то, матице? Да и бабкина мать также не сама померла — утопла в озере, том самом, которое только на карте значится как Глубокое, а в окрестных деревнях спокон веку Ведьминым кличут. Сто лет назад, а может, и больше — кто теперь вспомнит? — на берегу озера изба стояла, в ней и жила та самая ведьма, что Анисьин род по женской линии

¹ Цыбастая — длинноногая, подчегарая — поджарая.

² Матица — центральная балка.

прокляла. Так с тех пор и ведется: никто из них — ни прабабка, ни бабка, ни мать Анисьи, ни сколько их там еще народится — не помрут своей смертью.

Вот такую жену себе Касьян привел, и через полгода в одночасье представились Анисьины свекор и свекровь — старый смиренный мерин, что и в молодые годы рысью не хаживал, вдруг с горы понес. Касьянова мать вылетела из телеги — да виском о камень. Свекор-то жив остался, но прожил после того всего три дня — на поминках вдруг посинел лицом и упал в плоску с квашеной капустой... Остались Касьян с Анисьей в отцовской избе одни, старший брат Касьяна, Афанасий, жил на другом конце села, невестку сторонился, в гостях редко бывал, они у него — тоже. Однако Арину, племянницу, ему с женой крестить пришлось — народ в крестные к такому семейству идти опасался.

Анисья после родов ни похорошела, ни обабилась — как была ни спереди, ни сзади, так и осталась. И девчонка в их породе удалась — худая, белобрысая, личиком, правда, помилондней матери, глазенки большие, голубые, как васильки. Все за Анисьин подол держалась — куда мать, туда и Аришка. Что-то такое в Анисье и в самом деле имелось, отчего народ ее сторонился, — странная она была, одним словом, эта Анисья. Идет, улыбается неизвестно чему, а то цветов в поле огромную охапку нарвет — зачем они ей? А поздоровается с ней кто — вздрогнет, покосится, как будто и не человека увидала, и едва кивнет. Ни с бабами постоять, ни языком почесать — все норвила домой быстрее прошмыгнуть. И что она дома-то у себя делала? Одному Богу известно. Кошку, тварь вредную, к примеру, из избы никогда не гнала, если гроза. Дураку даже ведомо, что черт когда-то мышью оборотился, а кошка возьми его и съешь! С тех пор кошка — зверь нечистый, у каждой внутри черт сидит. И в грозу черт так и норвит гром на избу навести. Да и сама

Анисья даром что тихая, а как посмотрит... И глаза не черные, а как зыркнет гляделками своими, так у человека чего-нибудь и приключится. Или это проклятие ведьмино через Анисью на других эдак выходило, кто знает? Однако кому что во вред, а кому и на пользу — две бабы бездетные у Анисьи мелочевкой какой-то одалживались, и в скором времени обе забрюхатели. Афанасия жена, Матрена, десять лет порожняя ходила, а как Аришку перекрестили, так и забеременела. И пошла метать: за четыре года — троих. Да все девки! Как третью родила, не выдержала, пришла к невестке на поклон — сними, дескать, с меня, Анисьюшка, это наваждение. И что — еще через год мальчика родила, да на этом и остановилась.

А все потому, что через полгода, как Матрена разродилась наследником, утонула Анисья в том самом озере, в котором и прабабка ее, царствие им всем небесное, утопла. Другая бы десятой дорогой обходила то место, а Анисью туда точно какая-то сила тянула, в воду холодную, черную, глубокую. Все, бывало, сидит на берегу с маленькой Аришкой, смотрит, как будто что-то видит, а то веноч сплетет и пустит. Доигралась. Или ведьма ее с берега спихнула — да прямо в омут. Кто знает? Никто не видел, Аришка в тот день с матерью не пошла — может, и к лучшему, жива девчонка осталась. Да надолго ли? — шептались сельчане. Проклятие ведьмино, оно сильное было — года не прошло, как в Духов день сгорел Касьян вместе с избой. И самое жуткое даже не это было, а что изба отдельно сгорела, а Касьяна громом сожгло на другом конце села. Гроза приключилась страшная, всю весну, до самого Духова дня, жара невиданная стояла, засуха, вот и напекло. Туча нашла такая черная, темно стало, как ночью. Что Касьян на лугу делал, теперь никто никогда и не узнает. Но спалило его в головешку небесным огнем, а другая молния ударила прямо в избу. Сухое дерево полыхнуло так, что сделать ничего не смогли — остались от Касьяновой избы одни угли.

Літературно-художнє видання

КОСТИНА Наталя
Надто особисте
Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *О. В. Стратілат*
Редактор *С. М. Губська*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректори *І. В. Набока, О. Є. Шишацький*

Підписано до друку 15.06.2017. Формат 70x100/32.
Друк офсетний. Гарнітура «Minion Pro». Ум. друк. арк. 14,19.
Наклад 5000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів на ПП «ЮНІСОФТ»
Свідоцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р.
www.unisoft.ua
61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

Литературно-художественное издание

КОСТИНА Наталья
Слишком личное
Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Стратилат*
Редактор *С. М. Губская*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректоры *И. В. Набока, А. Е. Шишацкий*

Подписано в печать 15.06.2017. Формат 70x100/32.
Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro». Усл. печ. л. 14,19.
Тираж 5000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: corp@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНИСОФТ»
Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г.
www.unisoft.ua
61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Высылается бесплатный каталог

Для оптовых клиентов

Харьков
тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

Киев
тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесса
тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@bookclub.ua

Машина Аристарха ледь не збила її на курній кримській дорозі. Опинившись у салоні, вона зайняла місце на сусідньому сидінні та... у його серці. У Москві, куди закоханий Аристарх відвіз її на правах майбутнього чоловіка, із Арини зробили аристократку. Про сирітську долю, нещасливе перше кохання й навіть про її справжнє ім'я залишився тільки спомин. Чи міг її чоловік припустити, що в жінки, яку він сам оточив ореолом таємниці, з'являться секрети... від нього? Секрети, які можуть коштувати їй життя...

Костина Н.

K72 Слишком личное : роман / Наталья Костина. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2017. — 352 с.

ISBN 978-617-12-3374-4

Машина Аристарха едва не сбила ее на пыльной крымской дороге. Оказавшись в салоне, она заняла место на соседнем сиденье и... в его сердце. В Москве, куда влюбленный Аристарх увез ее на правах будущего мужа, из Арины сделали аристократку. О сиротской судьбе, несчастной первой любви и даже о ее настоящем имени остались только воспоминания. Мог ли супруг предположить, что у женщины, которую он сам окружил ореолом тайны, появятся секреты... от него? Секреты, которые могут стоить ей жизни...

**УДК 821.161.1(477)
ББК 84(4Укр=Рос)**